

Вадим Бельский

Яркий, длинный, солнечный день

Библиотека классической и современной прозы

Вадим Бельский

Яркий, длинный, солнечный день

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Бельский В.

Яркий, длинный, солнечный день / В. Бельский —
«Продюсерский центр ротации и продвижения»,
2020 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907254-87-9

Люди-чудаки... Люди-загадки... Они, как яркие огоньки, возникают среди обычных людей и всегда привлекают к себе внимание... Их мир – особый, они идут своей дорогой – такой, по мнению окружающих, странной и нелогичной. Кто-то посмеивается над ними, кто-то сторонится, а кто-то чувствует в них что-то родное и пытается попятить – что... Они живут среди обычных людей, делают привычные вещи, но их настоящая жизнь не здесь – она внутри них, полная радостей, удивительных открытий и любви. И доступ в эту их жизнь открыт далеко не каждому... Именно таковы герои рассказов Вадима Бельского. Странные и непонятные, на первый взгляд, они постепенно раскрываются перед читателем и позволяют попятить их необычный мир, казавшийся изначально таким непоследовательным и противоречивым.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907254-87-9

© Бельский В., 2020
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2020

Содержание

Яркий, длинный, солнечный день	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вадим Бельский

Яркий, длинный, солнечный день

Вадим Бельский родился в 1968 году в патриархальной белорусской деревушке, добрейшие жители которой с превеликим удовольствием отпраздновали вышеупомянутое событие и благополучно забыли о нем на следующее утро. Когда мальчик вырос, он реализовал-таки свое желание стать математиком. А когда парню исполнилось ровно 50, он счел этот возраст вполне достаточным для написания книги.

В настоящее время Вадим Бельский живет в Беларуси, в Гомеле, где преподаванием в университете зарабатывает себе на жизнь.

Яркий, длинный, солнечный день

1

Полина вошла в подъезд, поднялась на второй этаж, тихонько шлепая босыми ножками по бетонным ступенькам, и взялась за ручку двери. Затаила дыхание. Открываясь, дверь скрипнула, и девочка замерла на пороге. Все тихо. Впрочем, из глубины квартиры доносился храп. Дверь в одну из комнат была приоткрыта – звук исходил оттуда.

Полина на цыпочках прошла мимо двери в свою комнату и спряталась под одеяло. Только сейчас почувствовала, как болит колено и ухо. Выбралась из-под одеяла, села на кровати. Ощупала правую коленку – опухло. Ухо горит. Посмотреться бы в зеркало, но Полина решила не зажигать свет. Девочке хотелось есть, но не хотелось выходить из комнаты. В конце концов голод пересилил.

Холодильник был пуст – только пачка пельменей. На столе она нашла получерствый кусок хлеба и банку с помидором, плававшим в рассоле. Отправилась обратно, с аппетитом жуя по дороге. Возможно, какая-то еда была в той, другой, комнате, где спали ее мать и отчим, но туда Полина не вошла бы ни в коем случае.

Доела, вытерла пальчики об одеяло. Попыталась заснуть, но не смогла. Взяла книгу, раскрыла ее, подошла к подоконнику и, положив книгу в бледное пятнышко лунного света, стала читать, помогая себе пальчиком.

Несмотря на то что Полина должна была пойти в первый класс только в сентябре, она уже умела читать. Заслуга в этом в основном принадлежала тете Анжеле с первого этажа, женщине с больными ногами, раздутыми, как шары. Тетя Анжела, в квартире которой всегда пахло чем-то сладким вперемешку с лекарствами, была единственным другом Полины во всем их дворе. Нет, пожалуй, еще Котя с пятого этажа. Тете Анжеле и принадлежала эта книга.

– А медведь и говорит... мужик, мужик, я тебя... заламаю...

– За-ло-ма-ю... заламаю, – повторяла про себя Полина, шевеля губками и наморщив лоб, стараясь лучше уяснить смысл не совсем понятного слова.

Однако через некоторое время согласованность в действиях девочки исчезла. Палец правой руки еще машинально скользил по листу бумаги, а полуприкрытые глаза рассеянно смотрели в окно, в небольшой темный глухой дворик.

Воспоминания сегодняшнего дня стали прорываться из подсознания девочки...

Полина слышала крики в комнате матери. Тапочки слетели с ее ног на бегу. Толкнув дверь, она обоими широко распахнутыми коричневыми глазами увидела сидящую на диване мать. Перед ней в одних трусах стоит отчим и бьет мать тяжелыми ладонями по лицу. Голова матери нелепо качается из стороны в сторону. Она пытается схватить мужчину за руки, но ей это не удается.

На разбитой губе – капли крови. Отчим что-то ревет, мать причитает, но Полина не может разобрать ни слова. Вскрикнув: «Не надо, пожалуйста!» – она подбегает и пытается оттолкнуть бетонную фигуру. «Пшла, сучка!» – рычит отчим, отталкивая ее ладонью в ухо. Полина отлетает и падает на пол. Вскикивает на ноги. «Урод!» – вырывается у нее.

Рычание сзади усиливается. Внимание отчима переключается на девочку. Он надвигается и вытягивает руки, чтобы схватить ее. Полина уворачивается, выскальзывает из квартиры и бежит вниз по лестнице. Сверху появляется отчим, на ходу превращаясь в многоногое, мохнатое, брызжащее зловонной зеленой слюной чудовище. Навстречу испуганной девочке плывет

бородатый дядька – сосед с четвертого этажа. «Что случилось?» – спрашивает борода. «Представляешь, деньги у меня ворует!» – изрыгнуло чудовище. «Ишь ты! Ремнем их пороть надо!»

Полина выбежала в дворик. Пусто. Только спящая на скамейке глуховатая старушка – слабая защита. Полина заметалась по двору перепуганным щеночком. Клумбы с мелкими цветами – в таких не спрячешься.

Дверь подъезда уже открывалась. Стало высовываться тело отчима. И вот в этот самый момент и произошло то, что произошло. Девочка оказалась рядом с забором и взмахнула руками, как будто бы она хотела подпрыгнуть, чтобы в отчаянном прыжке ухватиться за край стены и попытаться перелезть на другую сторону. Но... она взмахнула руками и... превратилась в куст сирени.

В самый обычный куст сирени...

Отчим некоторое время бродил по двору, недоуменно оглядываясь, подходил к старушке, они о чем-то разговаривали. Ушел.

Потом вышла мать в домашнем халате, с распухшей губой, прошла в дальний угол двора, вышла на улицу через небольшую калитку (у Полины не было времени ею воспользоваться), затем вернулась. Стала звать: «Полинааа! Лиинаа! Лиииинаа!»

– Я здесь, мамочка! – отзывалась Полина, но мама не слышала.

Мать ушла в подъезд.

Полина чувствовала себя очень спокойно. Она видела, слышала и понимала все. Чувствовала, как майский ветер покачивает ее ветви, запутываясь в них, как в волосах.

Лица во дворе сменялись, старушка ушла, пришли две другие, вернулась с работы тетя Анжела, с трудом двигая ногами, снова вышли мама и отчим – очевидно, помирились. Мама снова звала Полину. Затем отчим куда-то ушел и вскоре вернулся. В сумке он что-то нес.

Двор опустел. Стемнело. Через двор, по диагонали, прошел человек в форме полицейского, вошел в подъезд. Вскоре он вышел и исчез. Больше никого.

Наконец окна в доме стали гаснуть, пока не погасли все. Полина забеспокоилась: «А как же дальше?» Попыталась взмахнуть своими ветвями и... вот она стоит босыми ножками в траве возле самой стены. Брр... прохладно...

Полина закрыла книгу. «Ноги грязные», – подумала она, забираясь под одеяло. Девочка лежала с открытыми глазами, но впечатлений дня было более чем достаточно, чтобы победить детский организм. Через приоткрытую форточку, стараясь не шуметь, протиснулись два эльфа, подлетели к девочке, каждый ухватился крошечными ручками за веко девочки и потянул его вниз. Покружились, прислушиваясь к дыханию. Когда оно стало ровным, эльфы тихонько всплеснули в ладоши и вылетели в окно.

– Мама, мамочка, мамулечка, пожалуйста, давай уедем отсюда куда-нибудь, – говорила Полина через несколько дней.

Мать молчала.

– Мамочка, я не могу здесь. Он же не любит нас, мама. Мне страшно здесь. Мамулечка, давай уедем прямо сейчас. К бабушке, например.

Полина изо всех сил обхватывала руками маму, уткнувшись лицом в старый нестираный домашний халат.

Мать о чем-то думала, опустив красноватое лицо, касалась губами макушки дочери, гладила рукой ее волосы и, выдыхая воздух, смешанный с винными парами, говорила:

– Доченька, нам сейчас некуда пойти, родная. Я сейчас, понимаешь, не могу найти работу... Но, как только я найду нормальную работу, мы сразу же... переедем отсюда.

– Нормальную – это какую? А? – Полина оторвала лицо от маминого халата. – Уборщицей?

– Нууу... а что? Хотя бы...

– Мам, а мне в школу скоро, – Полина улыбнулась и прыгнула на пол. – А я уже читаю. Тетя Анжела мне немного помогала. Вот, – девочка схватила книжку и стала в нетерпении подпрыгивать с ней перед кроватью. – Ма-а-м. Хочешь, прочитаю?

Мама действительно устроилась уборщицей в какую-то поликлинику.

Потом наступило тридцатое июля. Утром Полина проснулась, лежала с открытыми глазами. Можно долго не вставать. Девочка напряженно раздумывала, пытаясь определиться: «Счастлива... не счастлива... счастлива... не счастлива». Счастлива.

День рождения. Семь лет. Вспорхнула на ноги, отбросив одеяло. Подбежала к окну. Пасмурно. Дождик шуршит. Но ничего. Лето ведь.

Шмыгнула в ванную. Умылась. Потянулась на цыпочках. Удалось рассмотреть себя выше носа. Но все равно скривила рожицу. Расчесалась.

Ждала в своей комнате каких-нибудь событий. Вошла мама, долго обнимала, и Полина стала обладательницей альбома для рисования и цветных карандашей. «Расти большая», – отчим протянул блестящий кулек с конфетами. «Спасибо», – прошептала Полина.

А потом приехала бабушка Варя, которая жила за городом, в деревне, шумела в прихожей, прижимала внуку к своей кофте, пахнувшей дождем и сеном, влажными губами целовала в щеки.

– Бабушка, ура, бабушка! – восторгалась Полина, увидев на столе в кухне настоящий школьный рюкзак, не совсем новый, правда, но замечательный, цветной и с кармашками.

Все перешли в комнату матери и собрались вокруг стола, усаживаясь. И, казалось бы, и сердце, и душа Полины были уже доверху заполнены счастьем, однако торт, высокий, круглый, шоколадный, с белым кремом и надписью думал иначе.

– С... днем рождения, – прочла Полина, а мама вытирала глаза и шморгала носом.

Шумели, разговаривали, чокались.

– Тебе, Ксана, надо блюсти своего хозяина. Он – твоя надежда, – басила бабушка, раскрасневшись. – Я вот своего не доглядела. Правильно, Коля?

– Ммм. Ммм, – мычал отчим, поднимая красный стакан.

– Мама. Ну что ты. Ну что ты об этом... Давайте... Ведь у нас Лина сегодня главная.

– Ну а что Полина? – возглашала баба Варя, всколыхнув титанической грудью. – Вырастет скоро, жениха себе найдет... Дети сейчас быстро растут, не успеешь опомниться. Моей вот соседки дочка, Светка, так она только в десятый перешла, а как ни выгляну – она со своим Степкой в тиски стоит. А там их разбери, только стоит или...

– Мама!

Полина слушала и не слушала, зажмурившись, слизывала крем и улыбалась смешному слову «жених».

Бабушка уехала. Под вечер Полина вышла во двор. Там, в резиновых сапожках посреди лужи, стоял Котя, он же Костик, из их подъезда – пятилетний белоголовый мальчуган с круглыми синими глазами на простодушном, добром лице.

– Котя, Котя, а где твоя тетя Мотя?

– Не знаю я никакой тети Моти, – отвечал Котя, улыбаясь и разбрызгивая воду из лужи.

Ели с Котей конфеты, пока не съели половину пакета. Болтали о всяких пустяках. Полина завидовала Коте – он жил только с мамой и бабушкой, а папа у них был в тюрьме. «Его еще только лет через восемь выпустят», – говорил Котя.

– Константин, домой, – сказала голова, высунувшись из окна на пятом этаже.

Полина побродила по двору, размахивая пакетом с остатками конфет, оказалась возле стены, вспомнила, вздрогнула – то самое место. «Рисовать», – вдруг подумала она и убежала домой.

Проснулась. Темно. Интересно, сколько сейчас времени?.. Тортик! Тортик! А вдруг остался хоть кусочек?

Осторожно ступая в полумраке, Полина подобралась к родительской спальне, приложила ухо к двери, задержала дыхание. Вроде бы какие-то звуки. Осторожно, медленно приоткрыла. Какое-то сопение. Спят?.. Или уйти? Но как же хочется кусочек тортика! Полина решила и приоткрыла дверь пошире.

В комнате что-то происходило. Девочка, оцепенев, застыла на пороге. Колеблющаяся, размытая тень отчима, нависающая над кроватью, совершала какие-то движения, сопровождающиеся скрипом, сопением и придыханием.

Наконец Полина опомнилась и, в страхе забыв о незакрытой двери, бросилась в свою комнату, зарылась под одеяло и спрятала лицо в подушку.

2

Полина слушала Ирину Олеговну, стараясь не пропустить ни слова. Девочке нравилось в учительнице все: одежда, голос, жесты, ее порывистость. Но особенно Полину потрясло, с каким чувством и волнением в голосе Ирина Олеговна читала стихи какой-то поэтессы. Полина не могла понять, почему ее сосед по парте при этом скучает и вертит головой.

И когда через час она шагала домой, счастливая, радуясь еще как будто бы не ушедшему лету, эти строчки все вертелись в ее голове: «О золотые времена... О золотые имена...» Она сожалела только о том, что не запомнила наизусть все стихотворение.

«Я тоже буду поэтом», – решила Полина.

Как-то в середине осени Полина сидела за своим столом и, высунув язычок, старательно выводила в прописи требуемое число строк «Мыши шуршат».

– Мам! Маам! – вспомнила Полина.

Мать зашла в комнату.

– Мама, Ирина Олеговна сказала, что завтра зайдет к нам после обеда.

– А зачем... не сказала?

– Нуу, там... посмотреть, спросить.

– Ясно. Пойду скажу Коле.

Отчим был чем-то раздражен.

Разговор перешел в спор, спор – в крики и ссору. Отчим ревел:

– А мне по... что она придет! Я тут у себя! Хочу тут пью, хочу тут ссу, а хочу – сру! Ясно?! Тебе ясно?!

Мать что-то тихонько говорила.

– А мне по... что она слышит! Пусть слышит!

Тяжелая поступь. Скрип открывающейся двери.

Полина, боясь обернуться, вжималась в свой стульчик.

Мутный взгляд сверлил ее затылок. Отчим стоял в дверном проеме, сопя и раскачиваясь. Удушающие пары заполняли комнату, слезы из глаз капали на пропись, а мыши из-под пальцев расплзались в стороны.

До школы дорога была близкой: пару коротких переулков – и ты уже на школьном дворе. Но Полина разведала и предпочитала другой путь: через парк, а затем по тропинке, выводящей к школьному стадиону. Но главное – через парк. В парке была длинная густая аллея, обсаженная тополями. Эта аллея была мостом, ведущим в зачарованный мрачный замок, а тополя – богатырями, охраняющими вход. Богатыри были разного возраста: юные, постарше и совсем уже седые. А примерно посередине, с левой стороны, несокрушимо возвышался главный богатырь, самый старший, с белыми усами, бородой и белыми волосами, падающими на плечи.

И когда Полина только собиралась ступить на мост, передние воины начинали своеобразную перекличку, передавая эстафету дальше по строю:

– Кто... кто... кто... идет... идет...

– Девочка... девочка... девочка...

– ДЕВОЧКА? – вопрошал могучий бас главного богатыря. – Хм... девочку... пропустим...

Полина шагала по каменному мосту между рядами великанов, которые негромко ворчали, кто в бороду, а кто в усы:

– Пропустим... пропустим... пропустим...

А Ирина Олеговна была Золушкой, но не такой, как в той сказке, которую они смотрели однажды по телевизору вместе с тетей Анжелой. Та Золушка не казалась Полине настоящей – кукольная, искусственная, слишком яркая. А Ирина Олеговна была настоящей, хотя и скрывала это, выдавая себя за учительницу.

Полина с удовольствием рассматривала ее неброское темно-синее платье, иногда сменявшееся темно-серым, длинную, аккуратно заплетенную черную косу и блестящие черные глаза. Ирина Олеговна стремительно двигалась по классу, взволнованно рассказывала о чем-то, затем подходила к своему столу и, суетливо перебирая на столе стопки тетрадей, журнал, ручки, тихонько приговаривала:

– Собираюсь, собираюсь, собираюсь...

Затем подбегала к окну, высматривала что-то.

А карета все не ехала.

«Скорее бы уже», – шептала Полина.

3

Две ноги в кофейных ботиночках пробирались по узкой тропинке, протоптанной в снегу. Чуть повыше было темно-красное пальто, зеленый шарф, серая шапочка. Под шапочкой – коричневые глаза.

Метель пыталась засыпать снегом ее пальто, даже ее ресницы. Однако Полина взмахнула варежкой, и снежинки полетели по кругу. Шла дальше. По пути трогала за уши мохнатых белых зайцев, которые прискакали, чтобы поприветствовать ее. Вот она я. Фея-ветер, мадам-снег, госпожа-лед – в одном лице. И еще...

Бум! И фея-снег лежит на спине. Рядом с ней, лицом в снегу, барахтается какой-то мальчик. Оба встают, отряхиваются.

– Смотреть надо, куда идешь, – серьезно говорит мальчик.

Мальчик крупный, более чем на голову выше Полины, на розовом круглом лице – очки, почти полностью залепленные снегом. Снимает очки, рассматривает их.

– Фух, целые! – радостно выдыхает он пар изо рта, счищая снег со стекол.

– Хорошо, что целые, – повторяет он с улыбкой. – А то...

– А то было бы плохо... Ну если бы сломались, – говорит Полина.

– Ага. Мама ругалась бы очень, – парень закончил протирать очки и надел их, предвзвешенно сняв шапку.

Ну вот, готов. Мальчик снова надел шапку, сфокусировался и стал обозревать стоящую перед ним девочку.

Посмотрел на лицо, на темные волосы, падающие на пальто, вниз, к ботинкам, снова вверх. Молчал.

– Нравлюсь?

Мальчик опешил от такого нахальства, не знал, что сказать, смущенно топтался в снегу, проделывая носком сапога дыру в сугробе.

– Ты в каком классе? – спросил он наконец.

– В первом.

– Ааа... ясно. Понятно. Я думал...

– Что?

– Нуу... думал, что ты... во втором.

– Хм. Ясно. Понятно. А ты в каком?

– Я уже в пятом.

– Угу. А я думала, что ты тоже... во втором.

Мальчик недоуменно смотрел на нее. Полина не выдержала, расхохоталась. Смеялась, немного покачиваясь и прикрывая варежкой лицо (она считала, что рот у нее великоват, а когда смеется – становится еще больше).

Мальчик молчал, потом повернулся, глянул куда-то себе за спину и важно сказал:

– Ну ладно. Мне пора. Я пойду домой. А то...

– А то мама будет ругаться.

– Ага. Пока, – мальчик развернулся и потопал по снегу.

– Покаааа!

Полина повернулась, пошла на лед, где несколько раз прокатилась и несколько раз упала.

«Домой, что ли? А то... мама будет ругать». И красное пальто, даже не отряхнувшись, побежало навстречу красному солнцу.

– Неси дневник.

Отчим хмуро листал дневник.

– А где оценки?

– Так нам еще не ставят.

– Учительницу слушаешься?

– Конечно.

– Правильно. Учительницу надо слушаться, потому что...

Фраза осталась неоконченной.

– Ладно, иди, – и тяжелая широкая ладонь шлепнула ее по попе.

– Ладно, не возмущайся, – урезонивала ее мать, трогая волосы дочери красной от воды рукой. – Он тоже хочет... участвовать в твоём воспитании...

Полина промолчала.

– Эй, – кто-то дотронулся до ее плеча.

Обернулась.

Куртка в снегу, шапка на боку. Очки, красные щеки. Улыбка.

– Привет, – сказал мальчик.

– Привет.

– Я тут недалеко живу, – взмах рукой.

– А я – там.

– А ты в какой школе учишься?

– В той.

– А. А я – в той.

Помолчали.

– Я – Полина. А тебя как зовут?

– Паша.

– Ну что, друзья до гроба? – Полина протянула руку.

– Окей, – ответил Паша, пожимая маленькую варежку.

– А у тебя есть телефон? – спросил Паша.

– Ну... нет.

– Ясно. Ну ладно, потом мой номер запишешь... На всякий случай.

– Хорошо.

– А у тебя есть санки дома?

– Не.

– А давай я завтра свои санки притащу. Покатаемся...

– Давай.

– Давай завтра в три?

– Давай завтра в три.

Паша махнул рукой и пошел в свою сторону, а Полина, еще раз проехав по льду, выбежала на тропинку.

– Ну что, познакомилась? – ухмыльнулся заяц, выставив вперед два зуба.

– Не умничай, – Полина перепрыгнула зайца и побежала дальше. А заяц смотрел ей вслед и видел, что девочка только имитирует бег, так как ее ноги не касаются снега. Фею смех-сольдом подхватил и нес домой попутный ветер.

– Полина, ты идешь на продленку?

– А, да. Нась, ты иди, а я догоню, окей?

– Ага.

– Полиночка, ты что-то хотела спросить? – Золушка улыбалась.

– Ну да. Ирина Олеговна, помните, вы нам стихи рассказывали... «о золотые имена...»?

– Ну конечно. На первое сентября. Цветаева. «Книги в красном переплете». Понравилось?

– Очень.

– Хочешь, прочту?

– Очень хочу.

Полина, зажмурив глаза, впитывала голос и порождаемые этим голосом образы. Однако на строчке с Бэки видения распались, так как вошла, как к себе домой, переодетая гардеробщица. На ней был строгий серый костюм, очки, а в руках – какие-то бумаги.

– Ирина Олеговна, зайдите в мой кабинет... когда освободитесь, – сказала она, измерив Полину взглядом.

– Да, – добавила она, уже почти выйдя. – И перешлите мне списки неблагополучных. Мне нужно подать сводную ведомость.

– Хорошо. Я сейчас.

Они остались вдвоем. Посмотрели друг другу в глаза.

«Я знаю, Полина, что ты умеешь превращаться в куст. Вижу по глазам».

«А я знаю, Ирина Олеговна, что вы – Золушка. И временно застряли здесь в ожидании кареты».

«Ноо... Полина. Ты же никому не расскажешь, правда?»

«Конечно! Я – могила!»

«Точно?»

«Точно!»

– Ну, Поляночка, ты уж прости, мне нужно бежать, – засуетилась Ирина Олеговна. – В общем, давай так: я сама подберу для тебя какие-нибудь стихи и... хорошо?

– Спасибо, Ирина Олеговна.

– Ну все. Иди.

И снова – глаза в глаза.

4

Май. Лето. Ура.

Полина в шортах и в клетчатой рубашечке с короткими рукавами. Идет, подпрыгивает, руки – в стороны, вращая головой, разбрасывает волосы по кругу. Лицо вверх – оттуда солнце:

– Тебя греть или щекотать?

– Любить!!!

– Хм...

– Поля, привет! Как ты?

– Привет, Паша. Нормально.

Зеленая улица, много детей, много людей, все такие цветные, цветные палатки с едой...

– Поля, ты голодная?

– Чего это?

– Нуу... так спросил. Думал, вдруг ты голодная.

– Ну хорошо. Я вся голодная.

– А давай купим по большому стакану колы и по хот-догу.

– Купим... хм... У меня всего одна монетка. И та – маленькая.

Полина извлекла небольшой кружок из кармана, зажала его между большим и указательным пальцами левой руки, вытянула левую руку вперед и, закрыв правый глаз ладонью, рассматривала монетку с многозначительным видом.

– Вот оно, мое кольцо Всевластья! Так сказала Полина Великая и надела кольцо себе на палец. И исчезла. А ее, скажем так, спутник испугался и закричал: «Где она? Где она, моя Полина!» А Полина была уже далеко. Потому что ушла она... к другому. Ха-ха-ха! Бежим!!!

И, превратив себя в смесь пары кед и черных волос, улетела вперед.

Паша бросился следом. Он брал возрастом и инерционностью.

И вот они бегут рядом – девочка и ее паровоз.

Резко остановились возле палатки со съестным и сразу же пристроились в небольшую очередь из желающих получить хот-дог.

– Такой бег надо отметить!

Паша в ответ только кивал, шумно вдыхая и выдыхая воздух.

Последние числа мая.

– Ну вот, – говорила Ирина Олеговна, протягивая Полине потрепанную книгу. – Тут разные авторы: Цветаева, Ахматова... Гумилев... Бродский. Читай, а там решишь сама, что тебе больше нравится.

– Спасибо, – отвечала Полина, запихивая книгу в рюкзак.

– Да... вот еще, Ирина Олеговна. Хотела вас спросить...

– Да?

– Как понять «неблагополучные»?

Ирина Олеговна встала со стула, сделала несколько шагов по классу, снова села, не зная, куда деть руки, снова вскочила.

– Полиночка, знаешь, эта не та вещь, о которой я бы хотела с тобой поговорить.

– А о чем?

– А вот о чем.

На столе появились два блюда с кусочками торта, две чашки и бутылка фанты. Ирина Олеговна придвинула одно блюдо ближе к Полине.

– Скажите, пожалуйста, – прошептала Полина, глядя на свой кусочек. – Он... с ядом?

– Догадалась! – хищно сверкнула глазами Ирина Олеговна. – Ладно, живи пока, – добавила она, переставляя местами тарелки.

– А вы?

– А мне не страшно. Я сама с ядом. Как кобра! Ха-ха!

Ирина Олеговна налила фанту в чашки, подняла свою.

– Ну что, за девчонок?

– За девчонок.

«Знаю, знаю», – сказали коричневые глаза Полины.

«Тсс, тсс», – отвечали черные глаза Ирины Олеговны.

С тортом в животе Полина вышла в коридор.

Шурх-шурх, шурх-шурх.

Впереди по коридору ползла мясистая желеобразная гусеница. Завучиха. Полина прекрасно видела, что у завучихи по бокам с каждой стороны по восемь коротеньких ножек, и она семенила ими, помогая себе маленькими ручками, а ее выпуклый задок колыхался в такт шажкам.

Шурх-шурх. Поворачивала голову вправо-влево – все ли хорошо в школе. И как ни легка была поступь Полины, все же завучиха своим насекомым чутьем уловила вибрацию пола и изогнула свое сегментированное тело таким образом, что ее круглая голова с жвальцами оказалась рядом с ее круглым задом. Жвальца задвигались:

– А, Алесина Полина! Ты, кажется, из первого бэ? Как год закончила? Как мама?

– Год хорошо. Мама тоже.

– Ну хорошо.

Шурх-шурх. Шурх-шурх.

Завучиха медленно ползла по коридору. Впереди нее, налево, был вход на лестницу, которая вела на первый этаж, к свободе. Полина легко могла обежать медлительную завучиху, но остерегалась, а вдруг та продемонстрирует неожиданную реакцию, схватит Полину и станет жевать ее жвальцами. Нет уж...

Наконец завучиха проползла мимо лестницы и стала двигаться дальше, а Полина помчалась, перепрыгивая через пятнадцать ступенек, и оказалась на улице.

«На мост!»

Богатыри на мосту зазеленились, приукрасились, приоделись, расчесались. Сменили тяжелые зимние двуручные мечи на легкие кинжалы и луки.

Передний воин приосанился:

– Княжна совсем юная. Но скоро подрастет, возьму в жены. Моя будет.

– Моя... моя... моя, – загудело дальше по строю.

– Полегче там, – говорила Полина, вращая земной шар ногами. – Привет, дедушка, – крикнула она в сторону.

И была уже возле дома, когда старый богатырь очнулся:

– Не по уставу... приветствует... хм.

«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...

Очертанья столицы во мгле.

Сочинил же какой-то бездельник,

Что бывает любовь на земле...» –

читала Полина, сидя на скамеечке под деревом.

«Ха. Хм. Ха».

Лето обернуло Полину в зеленое, одело ноги в пыль, лицо – в цвет, волосы – в свет, нарезало дольками, замесило в жарком деревенском воздухе, добавило в равных долях коровье мычание, стрекот кузнечиков, басовитое ворчание бабушки Вари и нудное блеяние всегда пьяного дяди Пети. Ойе! Девочка готова.

– Полина, куда? Тёмно уже!

– Я рядом, бабушка!

Магия. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник», – шептала Полина, когда ноги несли ее на край деревни, где начиналось поле, простирающееся до края света и даже дальше.

Встать. Посмотреть далеко-далеко вдаль. Правую руку вытянуть вперед. Ладонь параллельно земле. Пальцы чуть-чуть развести. Закрывать глаза. Шепотом, но четко, акцентированно:

– Двадцать первое... Ночь... Понедельник...

Прохладный воздух ударил в лицо, отбрасывая волосы назад. Трава волнами прогибалась ниже, качаясь, отзываясь. Заснувшие были цветы распрямлялись, раскрывались. Кусты поворачивались. Черная масса дуба, стоящего на краю земли, пошевелилась.

– Ойеее! – загудело вдали.

– Буггааа! Иоолоо! – пропела Полина.
– Буггаа...
Все. Верность подданных подтверждена. Назад. В сны.

– Мапочка, мапочка, мапочка, – повторяли губы Полины в мамино платье.
Мама приехала за Полиной. Через неделю в школу. Увы. Ура.

5

– Поля, а тебя не будут искать?
– Неа. Мама сегодня у подруги, а отчим... спит. А тебя?
– Не. Тоже никого. Все на даче. Только завтра к вечеру приедут.
– Ааа... Паша, так куда мы идем?
– За яблоками.

Многэтажные дома и все современное осталось сзади, в другой жизни. В один из последних августовских вечеров, перешедших в ночь, две тени затерялись в переплетении улиц со старыми домами, окруженными садами, которые, казалось, вот-вот переберутся через заборы и разбредутся кто куда.

Осторожные шаги, свет из-под ставен, мальчишеская рука, время от времени хватающая девчоночью, тревожный шепот «стой... стоп... тсс... не туда... пригнись... идет кто-то...».

Кругом враги.

– Вот там, – говорил Паша, трогая Полину за плечо, нагибаясь и показывая пальцем в сторону длинного-длинного забора. – Там живет старик. Походу, один живет. Ему уже лет сто, наверно. Не меньше. У него в саду яблоня, на которой растут черные яблоки. Представляешь?

– Такие бывают?

– Ну да. Может, только у него такие...

– Откуда знаешь?

– Знаю, – ответил Паша. – Был там один раз.

Снял очки, протер их майкой, надел, взглянул на Полину.

– И собака у него большая... черная. И сам он ходит в чем-то черном.

– В черном-черном городе, в черном-черном доме... – начала Полина.

– Тише ты, – зашипел Паша. – Говорю же – собака. Учует... Ну что, Поля? Идем? Или боишься?

– Боюсь... Идем. А ты, что, не боишься?

– Тоже есть. Ладно... пошли за мной.

– Сюда, – сказал Паша, отгибая доску в сторону.

Они оказались в саду, почти в самом углу, почти в полной темноте, почти не дышали.

Далеко впереди был свет. «Дом».

– Кажется, туда, – прошептал Паша, взяв Полину за руку.

Пробирались в густой траве, мимо кустов.

– Здесь. Вот оно.

Полина осторожно обошла вокруг дерева. Яблоня была увешана тяжелыми, крупными, темными плодами, источающими дурманящий аромат. «Кровь со льдом».

– Берем, пока он не проснулся, – сказал Паша, срывая яблоко.

Полина, потянувшись на цыпочках, сорвала два и на этом решила остановиться. Руки ее были заняты, а карманы шортиков не могли вместить ничего крупнее, чем кольцо Всевластья.

У Паши было больше – он еще напихал себе под майку.

Паша хотел что-то сказать, но не успел. Раздался тихий скрип, темноту прорезал свет, в котором появились две черные тени.

– Тише, Джек, тише, – услышала Полина замогильный шепот.

И сразу все стихло. Все звуки. Кроме оглушительного стука сердца Полины. Но, если он скажет «замри», остановится и оно.

– Кажется, Джек, у нас... гости... А мы ведь рады гостям... Проверь, дружок... Принеси мне... кусочек... гостя...

Темная масса отделилась от высокой худой черной фигуры и полетела над травой.

Полина всхлипнула. Паша, издав нечленораздельный звук, побежал. Полина, бросив яблоки, побежала следом, путаясь в траве слабыми, дрожащими ногами. Впрочем, она не видела, куда бежит.

– Сюда, – раздался Пашин шепот откуда-то сбоку.

Полина опомнилась, только когда перед ней вырос забор. Остановилась. Повернулась.

– Сюда, Поля. Сюда!

– Поля! Я здесь, – шептал Паша с непонятного направления.

Огромный черный пес замер в метре от нее. Расставив массивные лапы, оскалив пасть, изучал девочку, слегка наклонив голову.

– Нет, Джек. Пожалуйста, – прошептала Полина.

– Не бойся, – негромко сказал пес.

Прыгнул в сторону и исчез в темноте, а через пару секунд Полина услышала его негромкое рычание.

– Что... Джек, – донесся шелестящий шепот. – Ты хочешь сказать, что... кто-то был... здесь? Нет, сдаётся мне, что... не здесь...

Он приближался.

Бежать некуда.

Чёрная фигура в чёрном капюшоне. Все ближе. Втягивает носом воздух. Пробует его на вкус.

– Сдаётся мне, Джек, он... здесь. Здесь...

Пустые чёрные глаза. Ноздри, втягивающие воздух.

Он ближе. Ступает неслышно. Видит звуки и запахи. Читает ночь. Сейчас увидит.

«Пожалуйста».

Сейчас уже. Совсем близко.

Не видит. Почему? Не видит. Джек удивленно смотрит на нее. Сквозь нее. Откуда у нее перед глазами взялась эта рябиновая гроздь? И еще одна.

Пошевелила руками, а шевельнулись ветви, задрожали грозди, затряслись листья. Посмотрела вниз: вместо ног – ствол. Я – рябинка!

– Идем, Джек. Кажется... он... ушел... Рябина разрослась, надо... выкорчевать... выкорчевать. В следующем раз... применим... цепенящий... ужасsss.

И он уходил, унося с собой свистящий шепот, от которого опадали листья с деревьев.

Полина стояла.

– Поля, Поля! – негромко звал Паша. – Где ты?

Полина сосредоточилась. Закрыла глаза.

Ну, с легким поворотом...

Фух! Посмотрела вниз – две ноги в шортах. Все на месте.

– Я тут, Паша.

– Поля, блин, Поля, – раздался обрадованный голос Паши. – Давай сюда. Дырка здесь. Что не отзывалась? – одной рукой Паша придерживал доску, а вторую протянул Полине. – Я, знаешь, как испугался.

Выбравшись наружу, Полина выпрямилась и неожиданно оказалась в объятьях. Неумелых, но достаточно крепких. Паша прижимал Полину к себе, что-то говорил, но никак не мог сложить законченное предложение.

– Поля... ты... я же зову... зову... а ты молчала... кричу...

Полина и сейчас молчала, только глаза ее превратились в два круглых коричневых дисплея, по каждому из которых побежала бегущая строка: по одному – сердечки, а по второму – какая-то бессмыслица вроде «е-е-е».

Впрочем, глаза тут же приняли нормальный человеческий вид, как только ее отпустили.

Какое-то время шли молча.

– А у меня ж осталось одно! – торжественно возвестил Паша, показывая круглый черный плод. – Съедем?

– Ага.

– Мммм.

– Ммм.

Доели. Паша выбросил огрызок.

– Понравилось? – Полина улыбалась уголком одного из двух коричневых глаз.

– Да. Вкусное.

– Я не про яблоко.

– Ааа... ты про сад? Я больше туда не полезу... Но, да, это было офигенно круто.

– Я не про сад.

– А про что?

– Обнимать меня. Понравилось?

– Тааа, да ну тебя! Ерунду какую-то... спрашиваешь. Причем тут... Ну испугался просто...

Полина хотела расхохотаться, но... эх... устала. Просто улыбнулась. Чуть-чуть.

Дошли до широкой дороги. Налево – низина, где они зимой катались на санках, прямо через дорогу – дом Полины, направо, в частном секторе, совсем недалеко, – дом Паши, где он жил с родителями и с бабушкой.

– Ну? – сказала Полина.

– Ээ... слушай, Поля, а у тебя пожрать есть что?

– Ну не знаю... Хлеб есть. А что?

– А у меня котлеты есть. Много.

– Ну и?

– А давай ко мне пойдем? А? Котлет поедем. Чаю попьем. А, Поля?

– Сейчас?? Нуу... Паша, поздно ведь уже... Как-то... нет. Мне как-то неудобно. Мне надо домой.

– Жаль... эх.

Паша замолчал, смотрел вниз, пробовал на прочность тротуарный бордюр носком кроссовка.

Полина ждала, сузив коричневые дисплеи до размера щелей, крутила прядь волос на указательный палец, оглянулась на проходившую мимо пожилую пару, оглянувшуюся на них.

– Мы ж... сегодня почти целый день... вместе... были, – выдавил наконец Паша.

– Хм. Значит, все-таки понравилось, – расширились дисплеи.

Паша молчал.

- Нуу, лан, Паш. Тогда пошли ко мне. Чаю попьем? А?
- Ага, – на лице Паши улыбнулись даже очки. – А котлеты? Давай я сбегая за котлетами – и к тебе. Нет, лучше давай вместе сходим за котлетами – и к тебе.
- Давай.

В небольшой темной комнате, освещаемой только тусклым светом из окна и телефоном, лежащим на тумбочке, на кровати, стоящей у окна, сидят две тени. Иногда слышится шепот: «Тихо... ты слышала?... ты слышал?... показалось».

Из пакета с котлетами рукой побольше и рукой поменьше извлекаются котлеты. Иногда они одновременно берут одну и ту же котлету, и тогда рука побольше говорит «ой» и выпускает котлету, а рука поменьше улыбается. Она намеренно следит за большой рукой, стараясь угадать, какую котлету та собирается брать, и, вооруженная двумя самонаводящимися прицелами, берет ту же.

– Я решил, когда вырасту, буду мосты строить, – говорил Паша, жуя. – У нас в этом году физика будет. Надо физику хорошо знать, чтоб инженером стать. А мосты – это круто. Они везде нужны. Даже в горах. Знаешь, такие висячие...

– Здорово... Как думаешь, Паша, магия есть?

– Магия? Ну, не знаю... Может, и есть. Мне дядька рассказывал, что сейчас ученые открыли разные измерения, и можно путешествовать... ну как через портал. Представляешь? Сделал шаг – и ты уже в Америке, например. Или в космосе вообще. Это как магия...

– А ты про космос много знаешь?

– Ну я читал. У меня книги дома такие есть.

– Расскажи.

– Ну в космосе есть...

– Подожди.

– Чего?

– Положи руку мне на плечо.

– Вот так?

– Нет, не так... Вот так.

– Так?

– Да. Рассказывай.

Глаза Полины становились все уже и уже, пока не закрылись совсем.

Она бежала в космосе в своих разорванных кедах по светящейся беговой дорожке вокруг черной дыры. Рядом с ней также кто-то бежал. «Паша, конечно». У Паши на голове был надет стеклянный шар, впрочем, как и у нее самой. Он что-то кричал и жестикулировал. «За хот-догами, быстрее!» – догадалась она. Паша сблизился с ней и взял ее за руку.

«За хот-догами!»

6

Тихо звякнули, зацепляясь, зубчатые колеса, завертелись, побежали быстрее. Даже Полина им подчинялась. Время меняло на ней одежду, подстилало под ноги снег, траву, красиво ей волосы и потом даже ресницы.

А дни становились короче.

Одета в прошлогоднее красное пальто и в новые глаза.

– Привет, Поля, как ты?

– Отл. А ты?

– Супер. Поля, а пошли в кино.

– В кино? Когда?

– В субботу. Вышла вторая часть «Даров смерти».

– Хм. А сколько денежек?

– Не надо. Все okay. Мне бабушка вчера денег подогнала. Так что...

– Ну ладно... Только я еще у мамы спрошу.

Третий ряд, двадцатое и двадцать первое...

– Нет, я на двадцать первом.

Все бегает. Все рушится. Пыль, камни, крики, огонь. Ого, какой большой. С какими-то вилами... Мой Дуб больше. Гораздо.

Все тут мечутся, суетятся, бегает друг за другом, машут палочками. И тут... на сцену выхожу я. А за мной – Дуб. Огромный, черный, несокрушимый. Останавливаются. Замирают. У всех челюсти отвисли. Даже у Воландеморта. Я холодна. Я – лед. Я – неотвратимость. Я – вне правил. Кто ты? Неважно. За кого ты? Хм, я подумаю. А пока вот что: сложите ваши палочки вот сюда – круг на земле кончиком кеда. Повторяю – сложить ваши палочки! Ха!

И левая рука Полины попадает в стакан с попкорном, где уже находится правая рука Паши.

Полина выбежала на улицу. Много снега. Во дворе Котя лепит снежок.

– Ну что, Котя, приехала твоя тетя Мотя?

Котя открыл было рот, чтобы что-то ответить, но только вздохнул.

– Котя, а ты пригласишь меня в кино, когда вырастешь?

– Конечно, – улыбается Котя, уплотняя снежок.

– А ты знаешь, Котя, я, может быть, еще и не соглашусь!

И Полина, хихикая и пританцовывая, бегала вокруг Коти, который поворачивался на месте, чтобы держаться к ней лицом.

– Расстроился?

– Нет.

– Да ладно, я вижу, что расстроился. Не расстраивайся. Давай я тебя обниму, пожалею. Подошла к Коте, обняла.

– Бедный Котя, хороший, – и повалила в снег.

Естественно, упала и сама.

Вскочила. Котя тоже. Смеясь, срочно лепил новый снежок, бросал, бежал, пытаясь догнать красно-белое пальто.

– Поля, а давай тебя пофоткаем. А?

Полина сидела, поджав ноги, на диване в комнате у Паши и увлеченно поглощала батон с колбасой.

– Дай поешь...

Ну... не причесана. Ну... дырочка в кофте. Ну... губы жирные.

– Дай полотенце.

Вытерла рот, пальцы.

– Лан. Давай, что ли.

Стоп. Руки обхватили худенькие поджатые колени. В уголке рта – кусочек улыбки. Пряди волос падают вниз, мимо щек, на колени. Одна щека кажется чуть-чуть круглее – возможно, ей досталось больше батона с колбасой. А глаза улетели далеко-далеко. Все. Теперь цифровая Полина будет жить в телефоне.

Дверь открылась, и грузный улыбающийся дядька втиснулся в комнату.

– Приветствую, бойцы, – сказал он, тиская ладошку Полины. – Ну вы тут отдыхайте, а папка пойдет, пришвартуется и примет на борт пару бутылочек пивка. А? Не возражаете? Пашка?

– Не возражаем. Иди, пап.

– А Полина?

– Не возражаю.

– О-хо-хо. Ну и хорошо. О-хо-хо.

Подмигнув напоследок Полине, он уходил по коридору, затерявшийся во времени одноногий пират в разодранной тельняшке, напевая свое «йо-хо-хо».

Стук входной двери. Голоса.

– Мама с работы пришла.

– Угу.

На пороге появилась женщина в темно-синем строгом костюме, с короткой стрижкой и в очках.

– Здравствуй, – кивнула она Полине с легким привкусом меди в голосе.

– Павел, ты уроки сделал? А? Опять? Или ты собираешься дворником работать? – полусекундный взгляд в сторону Полины.

Дверь закрылась.

– Ну я пойду.

– Ээ... ну. До завтра, Поля.

– До завтра.

Багровая страница.

Полина побежала на шум в мамину комнату с сердцем, сжавшимся от страха. Мама, сдавленно вскрикнув, прижав руки к животу, падала мимо кровати. Полину вышвырнули в коридор с почти вывихнутым предплечьем.

Через минуту она в беспамятстве стучала в дверь квартиры на первом этаже.

Отчима увезли. Маму забрали в больницу.

– Хватит реветь, говорю, – ворчала тетя Анжела, поговорив по телефону, глядя на свою кровать, на которой лежал всхлипывающий и икающий комок.

– Ну и как я буду после тебя на мокрой, соленой подушке спать? А? Я со всеми поговорила, всем дозвонилась, слышишь, Полинка? Доктор сказал, с мамой все будет хорошо. Через три дня выпишут. Бабушка твоя завтра утром приедет. А сегодня переночуешь у меня. Слышишь? Прекрати реветь, да что это за наказание такое? Тебе пять минут – подтереть нюни,

умыться, и будем ужинать. А мне, представляешь, премию на работе выписали. Захожу я сегодня...

И тетя Анжела, грузно ступая, расхаживала по квартире, гремела посудой и непрерывно говорила, говорила... чтобы не оставлять девочку одну.

А Полина икала и комкала одеяло.

По деревенской улице кто-то бежит, подпрыгивая. Сумерки.

Старый дед с бородой дымит сигаретой, сидя на лавочке.

– Здравсте, дедушка Василь.

– Эээ... кто... не разглядел... Эк... Полина, что ль?

Полина, Полина. Только Полина уже далеко. Направляется в свои владения. «Мое поле. Мой дуб. Бугга».

Навстречу двое детей постарше: Ирка и Димка.

– Полина! А ты когда приехала? А ты куда идешь? А че зимой не приезжала? А пошли с нами кастрик поपालим, сала пожарим...

Ну что ж, пойдем, конечно. Друзья же. Послала мысленно телеграмму: «Ойе. Бугга. Приду завтра». Услышала ответ: «Все будем ждать. Бугга».

Подросла почти на целую ладонь. Девять лет.

Мама приехала. Мама устроилась на новую работу. Мама привезла Полине... смартфон! Теперь Полина... Теперь у Полины...

Пришел дядя Петя, распространяя запах прокуренной рубашки. Хотел оттаскать Полину за уши, но она не далась. Оглядывался по углам.

– И не думай! Нет ничего. Воды попей! – ворчала бабушка.

– Ты, мать, зря так... Я ж, мать...

Мама с бабушкой испекли торт. С вишней.

Пришли Дима, Ира. Шумели, разговаривали, смеялись, звенела посуда. Торт быстро уменьшался. Начинало темнеть.

Наконец, с полными животами дети ушли.

Фух... все.

Полина пошла в комнату, легла на кровать.

– Полина, ты больше ничего не хочешь?

– Неа, я полежу, мам.

– Наливай, мать!

– Куда тебе? Испился весь...

– Наливай.

Гудки... Але. Да. Кто? Кто?! Поля... как... Поля!! Ура... а ты что... А ты что делаешь?.. А ты счас где?.. А я сейчас в лагере... У нас, Поля, тут такое...

Полина слушала, слушала, улыбалась...

– Кстати, Поля, я ж ничего не забыл. С днем рождения!.. Поля, хочешь, я тебе хэпибесдэй спою? А? Только не смейся, хорошо? Счас, подожди, я отойду в другое место...

«Диэ Поля».

Положила телефон на живот. Закрыла глаза. Поднялась повыше. Посмотрела на себя сверху. Смешная. Улыбнулась самой себе.

– Наливай, мать!

7

– Смотри, Поля, что у меня есть.

– Ой, какой миленький маленький... крабик!

– Засушен по всем правилам... Это – тебе.

– Спасибо, Паш.

– Смотри, Поль... Он будет приходить к тебе по ночам.

– Ой...

– Вот давай, как будто сейчас ночь. Вот ложись... – Паша подвел Полину к кровати. – Ложись. Ага... как будто спишь...

Полина легла на спину, вытянула ноги, вытянула руки вдоль тела.

– Хорошо... Закрывай глаза.

Зажмурила.

– А крабик ползет... ползет... ползет. Так... так. Я – крабик. А это у нас кто? Это – Поля. Хм, поползу дальше... А это что? Это – нога Полины... Хм, поползу-ка я по ней.

– Пашааа... мне щекотно.

– Ползу дальше... А не укусить ли мне Полю здесь?..

– Пашаа... щекотно... Паша... не увлекайся...

Полина открыла глаза. Перехватила крабика. Поднесла его к своему лицу.

– Я буду звать тебя... Злюньчик. Хорошо?

– Привет, Злюньчик, – чуть слышно прошептала Полина.

Краб шевелил ножками, пытаясь дотянуться до губ Полины.

– Ну что ж вы у меня такие забывчивые... Я вам все это еще во втором классе объясняла, хорошие мои. Вычитаем – не вычитается. Хорошо. Тогда забираем один десяток у восьмерки. Итак, здесь было восемь, а стало... правильно, семь...

Унылый октябрьский дождь шуршал за окнами, навевая грусть даже на такого неисправимого оптимиста, как Борька, который сейчас тыкал кончиком карандаша Полине в спину, но делал это как-то слишком робко. Просто напоминал о себе.

И все слышали только шум дождя. Все, кроме двух человек.

Полина оторвала взгляд от тетради, повернула голову к окну. Еле уловимый звон колокольчиков и конское ржание. Ирина Олеговна вздрогнула, выронила мел. Приложила руки к груди, сделала несколько быстрых шагов к окну. Бросила на Полину умоляющий взгляд. Некоторые дети удивленно смотрели на учительницу.

«Спокойнее... спокойнее», – коричневые глаза.

«Ноо... приехала же...» – черные.

«Подождет...»

«Точно?»

«Уверена...»

Ирина Олеговна вернулась к столу, что-то зачем-то высматривала, не нашла, обернулась к доске. Подняла расколовшийся мел и, так и не вспомнив, на чем остановилась, начала объяснять с самого начала.

– Вот, Поля, я уверен, что ты специально падаешь. Сто проц. Я вез аккуратно, по ровному.

– Какое «по ровному»? Смотри – бугорок.

– Нет никакого бугорка.

– Паш, отряхни, а? А то я варежки забыла.

Паша, с покрасневшими щеками, счищает с Полины снег.

– Садись.

Полина, с покрасневшими щечками, садится в санки.

– Паша, только осторожно. Я – с пулеметом.

Паша берется за веревку, санки трогаются. Паша старается, санки бегут быстрее. Полина вскрикивает, хватается за грудь, падает из санок, переворачивается и замирает, лежа на спине.

– Пашаааа... я... умираюуу... прощай... Пааа...

Руки в стороны, ноги в стороны, волосы рассыпались черным по белому, глаза закрыты. Ты любила, и была любима. Но тебя больше с нами нет.

Паша, разгоряченный, улыбаясь и ворча, брел по снегу, зная, что ему сейчас придется оживлять, ставить на ноги и отряхивать от снега сраженную вражеской пулей Полину.

– Ааа... нет, Паш, погулять сегодня не смогу... А? Нет, не в этом дело. Просто я тут... А, ну да, хорошо. Приходи, конечно. Жду, пока.

Этой весной мама заболела в первый раз.

Вскоре пришел Паша. Полина встретила его в забрызганной водой майке, в домашнем трико, босиком, без привычной улыбки во весь рот. Вытирала плечом лицо, в покрасневших руках – мокрое белье.

Пыталась сдуть напозавшие на лицо пряди волос.

С белья на пол капала вода.

– А тыы... одна, что ли?

– Ну да... Бабушка приедет... послезавтра, – отвечала Полина уже из ванной.

– Аа...

Паша снял куртку, ботинки и подошел к ванной.

– Ты стираешь? Руками? А стиралка?

– Сломалась... Давно уже... Да я уж почти все постирала.

– Слушай, Поля, – сказал Паша, оглядываясь. – Ну давай я что-нибудь помогу, а? Скажи, что надо.

– Вынеси мусор... для начала.

– Хорошо, – и Паша с готовностью стал надевать ботинки.

– Нет, нет, подожди. Помоги сначала вот это... выкрутить.

– А. Поля, давай мне. Я и один выжму.

– Нет, Паш. Джинсы и рубашку лучше вместе. Чтоб посуше. Мне в них завтра утром в школу... Еще погладить успеть...

– Ой, а это что такое? Давай это тоже вместе выкрутим.

– Ага. Очень смешно, Паша.

Паша сидел на полу в ванной, лежал на полу в ванной, осматривал стиральную машину, поправлял очки.

– С точки зрения физики – скорее всего, дело в проводке. Поломка контакта – причина неисправности в девяноста процентах случаев. Но, конечно... может быть что-то более серьезное... например, мотор... И тогда, – пыхтел Паша. – И тогда...

– И тогда пошли есть яичницу.

– Нет, нет, Полиночка, подожди, успеешь ты на свою продленку. Давай чаю с тобой попьем. У меня печенье вкусное. «Ффкусное, как и ты».

Ирина Олеговна сделала несколько шагов, вставая на пути к выходу из класса. Повернулась лицом. Полина шагнула в сторону. Ирина Олеговна сверкнула черными глазами. Быстрым движением головы отбросила назад черную косу. Развела руки в стороны. Растопырила пальцы. Провела по губам языком. Тихонько звякнули выскочившие из-под ногтей острые металлические когти... Лара Крофт.

«Ой, ой... Надо же... Знала бы ты, что за мной – Дуб. И не только... Сровняем здесь все... Впрочем, ладно. Дам тебе возможность сохранить лицо, Ззззолушка».

– Хорошо, Ирина Олеговна. Давайте попьем чаю.

– Вкусный, с земляникой, тебе такой нравится. И печенье, – суежилась Ирина Олеговна, подвигая тарелку. – Вот.

– Пасиб.

– Как мама?

– Ээ. Хорошо. Лучше.

– Выписали?

– Да. Давно уже.

Ирина Олеговна погладила ладонью руку Полины, а Полина следила за ее рукой и искала то место, где из-под ногтей выскакивают когти.

«Ирина Олеговна, давайте поговорим, – предложила Полина, заряжая информацией коричневые процессоры. – Вы отвечаете ресницами: если “да” – два раза ресницами, если “нет” – один раз. Согласны?»

Хлоп-хлоп.

«Ирина Олеговна, ну как принц? Хороший?»

Хлоп-хлоп.

«Берет вас замуж?»

Хлоп-хлоп.

«Скажите, только честно, – чай отравлен?»

Хлоп-хлоп.

– Ну как, Полина, стихи? Интересуешься по-прежнему?

– Да, конечно. Я сейчас больше Бродского читаю...

А вот и мост. Ну как вы тут, соскучились?

Полина вышагивает по мосту. Ноги в кедах. Руки в джинсах. В зубах жвачка. Бейсболка козырьком назад. Каждый воин на мосту знает ее легкую походку...

– Девочку... пропустим, – затагнули свое богатыри.

– Эй, – Полина остановилась, подняв голову вверх и вытянув указательный палец левой руки в небо. Оглянулась – не слышит ли ее кто из посторонних. Дедушка с бабушкой сидят на скамеечке в отдалении. Не слышат.

– Так вот. Пора уже запомнить мое имя. Полина. Ясно? Глухонемые пусть читают по губам. По-ли-на. Через букву «о».

Обернулась – старички смотрели на нее. Возможно, теперь они тоже знают, как ее зовут.

– Девочку... пропустим... ага.

Полина махнула рукой и пошла дальше. Мост почти закончился, когда она услышала негромкое:

– Полина...

Повертела головой. Никого.

– Полина...

Полина подняла глаза. Молодой розовощекий богатырь в кольчуге. Длинный кривой кинжал в ножнах. Застенчиво улыбается.

– Приветствую, княжна.

– Здравсте.

У подножия, между корней, – маленький букетик из белых цветов.

– А это что?

– Цветы, княжна.

– Вижу, что не свинья-копилка. Это мне?

– Вам...

– Хм. А ты как звать-то?

– Святогор я...

– Так вот, что я тебе скажу, Светик: будь проще – и к тебе потянутся люди. Окей?

Богатырь грустно вздохнул.

– Нуу... я пойду?

Грустный вздох.

– Ххоспади, начинается, – подхватила букетик и пошла своей дорогой.

– Але... да, Дим. Ну еще в городе... Нормально... Точно не знаю, когда... Приеду, когда бабушка за мной приедет. Ага. Да, увидимся. Пока.

8

– Бессмертия у смерти не прошу. Испуганный, возлюбленный и нищий, – шептали пересохшие губы Полины.

Место действия: ее Поле. Время: сумерки. Под ногами – ее трава. Направление движения – далеко, вглубь Поля.

«Бессмертия у смерти... Круто...»

Теплый ветер дул ей в лицо, отводил пряди волос с ушей и шептал о любви. И чем быстрее она шла – тем громче звучали слова. «Я назову это поле – Поле Любви».

Ее слышали, увидели, ее почувствовали. «От вас не спрячешься».

– Ойее! Буггааа, – как гром.

– Иоллооо! – пропела она в ответ.

Шла дальше и дальше. Еще дальше. Здесь. Остановилась.

Подняла руки. Закрыла глаза.

– Ойе! – и закачалась тонким деревцем. Дикая груша.

– Это... она... она... она, – шелест травы.

– Буггааа... Таната... – восхищенно гудел Дуб. – Твои возможности бесконечны...

«Льстецы».

Воскликнула, шевеля ветвями:

– Бессмертия у смерти не прошу! Испуганный! Возлюбленный! И нищий! Вот!

Ветер подумал-подумал, решил, что это какая-то важная инструкция, подхватил эти строчки и понес дальше.

– Этооооо... буггаа... Это как понять? – забеспокоился Дуб.

– Это стихи. Просто стихи. Бродского читать надо.

– Это приказ?

– Это... пожелание.

– Пожелание – это приказ. Все слышали?! Читать Бродского! Буггааа!

– Бродского... Бродского... – полетело во все края.

– Бро-о-о-о-цкий, бро-о-о-о-цкий, – отозвались лягушки в пруду за тридевять земель, начиная ночной концерт.

Стояла, слушала все это. Улыбалась. Отмахивалась от ветра веточками:

– Да ну тебя с твоими обнимашками!

Вот-вот станет совсем темно. Пора. Бабушка беспокоится.

Ну... давай, Полина... ойе. И – вот она. Такая маленькая посреди такого огромного поля. Устала.

– Если желаешь, – загудел Дуб, – я могу тебя магией по воздуху перенести. Прямо до твоего дома. Буггааа...

– Спасибо, конечно, за предложение. Но не думаю, что летящая над деревней в темноте Полина, – это то, что жители привыкли видеть. Могут и на костре сжечь за такое.

– А что, у людей такое бывает?

– Еще как бывает. Книги читать надо.

– Это приказ?

– Это... проехали.

– Ясно. Проехали. Все слышали?! Буггаа...

«Фух. Теперь понимаю королей. Трудная работа».

– Я вам говорю, бабуля, это не шутки. Дымоход со щелями. Надо замазать. Нанять кого-нибудь, – дядька в форме явно сердился. – Через неделю проверю. Нет – выпишу штраф.

Взглянув на Полину, он надел фуражку и вышел.

– Ой, что ж делать мне. Во беда... – сокрушалась бабушка. – Как же это... Разве что Игната попросить... Так он же самогонкой не берет... Полпенсии вытянет. Ох, беда...

– Не надо, мать. Какой Игнат? Зачем Игнат? Я, что, сам не замажу? Замажу. Скажи, Полинка?

– Что ты замажешь? Замажет он. Задницу ты замажешь! Ты ж не просыхаешь! Работник.

– Во, мать, это ты зря. Зря. Я, что, не понимаю? Игнат понимает, а я тебе не понимаю. Чтoб починить трубу, что надо? Инструмент и глина. Вот. Так, Полин? У меня есть. И инструмент, и глина. С утра завтра приду – и сделаю. Все? Все. Полина, скажи ей. Зачем Игнат?

И дядя Петя размахнулся, чтобы шлепнуть проходящую мимо Полину по... В общем, она увернулась.

Полина сидела на краешке стула, поджав колени, спрятав пальцы в рукава свитера, и рассеянно слушала Пашу, сосредоточив внимание в основном на кончике его носа.

Паша перехватил взгляд.

– Ну вот ты слушаешь или нет, Поля? Я ж объясняю тебе: вот скобки, вот слагаемые. Это умножаешь на это, потом это – на это. Дальше...

– Паша, вот это на это?

– Нет. Вот это на вот это.

– Ага... ясно.

– Ну что? Поняла?

– Вроде да.

– Тогда я сейчас напишу тебе один пример, а ты посчитаешь.

– Окей.

Полина что-то писала. Паша ворчал, смешно морщил нос, поправлял очки, перечеркивал, исправлял, снова объяснял.

– Ну что? Теперь поняла?

– Паш...

– Мм?

– Ты так хорошо объясняешь. Просто супер. Фантастиш.

Полина встала со стула, подошла к полке, взяла крабика, прижала его к груди и вернулась к столу с трогательно-просительным выражением на лице.

– Паш, не в службу, а в дружбу, а не мог бы ты объяснить еще раз все то же самое Злюньчику?

Паша, с прыгающими очками на лице, готовился открыть было рот, чтобы высказать все, что он думает о таких несерьезных ученицах и...

– Паш, чаю сделать?

1 января, 0.55 утра

Заснеженные улицы, люди, лица, хлопушки, огни, смех. Две фигуры: одна – покрупнее, вторая – поменьше, в колпаке Санта-Клауса.

– У тебя сколько осталось?

– Одна штучка.

– У меня три. Пошли возле елки бабахнем.

– Пошли.

1.10. Возле елки

– Поля, а знаешь, что у меня есть?

– Знаю.

– Что?

– Я.

– Что я?

– Я у тебя есть.

– Ааа... нет. Ну в смысле... я имел в виду... вот.

– Вауч. Что это? Шампанское? Настоящее?

- Естественно.
- Чет маленькая какая-то бутылка.
- Триста пятьдесят граммов. А что?
- А как тебе продали?
- Да нет. Я попросил папу, и он мне купил. Тайком от мамы.
- У тебя папа добрый. И ты предлагаешь...
- Конечно. Или ты против?
- Нет...
- Тогда пошли вон туда, на скамейку.

1.20. Скамейка

Счистили снег, уселись.

– Паша, а вот ты когда покупал... Ну, когда просил папу купить шампанское, то ты с кем думал его пить?

- В смысле? Как с кем? С тобой, конечно! А что?
 - Ничего...
 - У меня и стакан с собой есть, – улыбался Паша.
- Полине захотелось закрыть глаза, и она это сделала. А Паша возился с бутылкой.
- Ну, давай?
 - Давай. Ты первый.
 - Ты первая. Не, давай так: будем по два глотка. Ты, потом я.
 - Окей...
 - Ну?
 - С Новым годом, Паша.
 - С Новым годом, Поля.

1.55. Скамейка

- Поля... Пойдем, Поля?
- Паша, давай... капельку... посидим.
- Давай. Ты не замерзла?
- Не.

2.05. Скамейка

- Ну, наверно, правда, пойдем...
- Ну вот. Поля, все хорошо?
- Даа... Просто, Поля... пьяная...
- Да нет. Мы ж капельку.
- Аха.

2.15. Улица

- Паш, а если мне станет плохо... ты донесешь меня домой?
- Конечно! Не веришь?
- Верю.
- Вот давай, а?

- Не, Паш. Я просто так сказала...
- Давай подыму. Увидишь...
- Паша, нет. Я тяжелая в этой... зимней куртке... в ботах...
- Ну, как?
- Все, не держи. Отпускай.

2.25. Подъезд

- Пасибо, Паш. Что довел... Я такая дура счас...
- Пока, Поля. До завтра.
- До... пока... Паш?
- А?
- Идея... с шампанским – крутая.

Мама болела. Снова.

По улице полз маслянисто-черный Змей. Никому не было до него никакого дела. Он тоже не обращал ни на кого внимания. Его целью была Полина, защита которой слабела. И вот теперь он подбирался все ближе, чтобы овладеть ею, пугать, душить и вытягивать душу.

- Бабушка, как думаешь, когда маму выпишут?
- Выпишут. Доктора подлечат – и выпишут.

Когда Полина улыбалась – Змей замедлялся, грустила – полз быстрее.

Она боролась. Ходила в школу, плакала, делала уроки, злилась, стирала одежду...

В конце концов Змей пробрался во двор дома и занял место в центре, уложив друг на друга раздутые маслянистые кольца. Теперь Полине, чтобы войти в подъезд или выйти, приходилось обходить его и пробираться вдоль стены дома.

- Аллю, Полиночка, дочечка! Все, завтра выписывают меня...
- !!!

Выписали.

Мама дома. Полина научилась оценивать мамин вес, цвет кожи, хрупкость рук с точностью до тысячных долей. «Со вчерашнего дня мама похудела на... желтизна кожи... без изменений, рука стала тоньше на 0,01 мм...»

Мама дома. Полина ходила по квартире, бегала по квартире, кружилась бабочкой, жарила яичницу, носила маме чай. Закачивая энергию, до отказа зарядила коричневые гиперboloиды. Пора!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.